

**СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА
ПОВЕСТИ В.РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ»**

Маматов Ж.

Студент СамГУ имени Шарофа Рашидова
научный руководитель проф. Малиновский Е.А.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается стилистическая характеристика фразеологического состава повести В.Распутина «Живи и помни», а так же приводятся примеры употребления фразеологических гнезд с одним и тем же словом в качестве стречневого компонента.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, диалог, стилистические особенности, роман «Живи и помни» и т.д.

«Живи и помни» - старинный русский повествовательный жанр – повесть, представляющая из себя небольшое произведение, состоящее из неполных двухсот страниц.

Однако в силу того, что здесь речь идет об исключительно напряженных событиях человеческого существования, о переплетении судеб простых людей, живущих в заброшенной сибирской деревеньке, язык повести, с одной стороны, глубоко национален, с другой же – неповторимый, свой, «распутинский»...

Всем этим, вероятно, и объясняется такое количество излюбленных народом устойчивых выражений, которыми насыщено произведение – около полторы тысячи фразеологических единиц (1401 фразеологоупотребление]. Другими словами, на одной странице распутинского текста встречается семь фразеологических единиц, выполняющих самые разнообразные семантико-стилистические функции.

Целесообразно здесь заметить, что большая насыщенность фразеологизмами характеризуется диалогическая речь персонажей, меньше – авторская.

Однако в данной повести, представляющей в этом отношении исключение, для авторских описаний привлечено также большое число устойчивых комплексных слов.

Естественно, что «плотность» фразеологоупотреблений на разных страницах текста неодинаковая; она колеблется от одной фразеологической единицы до двадцати одной.

Сравните использование фразеологических единиц на странице 215: *добавочная*

порция, хлопать глазами, лыжный батальон, разведывательная рота, гаубичная батарея, взрывная волна, танковая атака, ночной рейд, охота за языком, идти в бой, ничего другого не оставалось, поперед других не лез, за чужие спины не прятался, захватывающая группа, либо пан – либо пропал, не лучше и не хуже, дальнбойная артиллерия, пошли в наступление, хотелось верить, смерть отступится, испытательный срок. Легко заметить здесь самую различную стилистическую окрашенность УСК: военно-номинативную, терминологическую, межстилевую, книжную, разговорно-бытовую, просторечную. Встречаются здесь пословицы и поговорки.

Если объединить обнаруженные в повести фразеологизмы во фразеологические гнезда с одним и тем же словом в качестве стержневого компонента, то самыми обширными будут: фразеологизмы на базе слова «глаза»: *хоть глаз выколи, не спускать глаз, с глаз долой, не отводит глаз, не верить глазам, бросаться в глаза, смотреть в глаза, пялить (пучить, таращить) глаза, лопни мои глаза, есть глазами* и т.д.;

На базе слова «бог»: *избави бог, бог дал, бог знает, дай бог, слава богу, ей богу, бог на помощь, не приведи бог;*

На базе слова «черт»: *какого черта, к черту, черт знает, черт дернул, черт возьми, сам черт ногу сломит, ни черта, до черта* и т.д.;

На базе слова «рука»: *упустить из рук, твердая рука, руки чешутся, щедрая рука, под рукой, потирать руки, опускать руки, поднять руку, ломать руки, протянуть руки, сложить руки, не с руки, махнуть рукой* и т.д.

Затем следуют фразеологические гнезда со стержневыми компонентами: «нога», «душа», «слово», «дело», «сердце», «кровь», «ум», «сила», «зубы», «голова», «язык», «вид», «слеза», «свет», «час», «лад» - всего 25 гнезд.

Остановимся на характеристической функции фразеологических единиц.

В повести «Живи и помни» писатель исследует хорошо знакомые ему человеческий духовный строй.

Герои повести из народной среды; у них те же обычаи, руки привыкли к труду, а глаза к полям и лесам родной деревни.

Сравните, как умело привлекает в этих целях фразеологизмы В.Распутин: *«Атамановские поля и угодья **испокон веку** лежали на своей стороне, их там хватало с избытком. Охота, рыбалка, любой промысел тоже были **под своим боком**»* [3,222].

*«Мимо Атамановки шлепали пароходы, привозили новости – многое **проходило мимо** нее... Когда-то в старые годы здешние мужички не брезговали одним **прибыльным промыслом**: проверяли идущих с Лены золотников... В самом узком месте возле реки*

отчаянные головы и караулили ленских старателей» [3,203].

Или: *«Еще в Иркутске, прикидывая, где ему возле Атамановки приткнуться, он выбрал именно эту зимовейку. Стоит она как нельзя лучше, в глубоком, загнутом на гору распадке, откуда не подняться дыму, топи хоть круглые сутки. Кроме того, рядом, в двух шагах, речка, и по наледи сюда можно добираться, не оставляя следа» [3,221].*

«Карда – деревня большая, и концы в воду там спрятать можно» [3,227].

«Правую, ближнюю к Рыбной, сторону он обычно не трогал и сворачивал влево, где на добрые тридцать верст не было обжитого угла. В лесу не разбежишься...» [3,243].

«На Ангаре задувало во всю моченьку, мокрый липкий снег несло по воздуху» [3,263].

Фразеологические выражения помогают писателю лучше оттенить объект изображения, в данном случае – ту местность, где происходят все описываемые им события.

А вот так, широко привлекая фразеологию, рисует Распутин привязанность главной героини Настены к своему дому, к семье, к мужу, который своим дезертирством вдруг все перевернул вверх дном: *«...Настена ехала и плакала – до того схватило и сжало душу... Столько годов была привязана Настена к деревне, к дому, к работе, знала свое место, берегла себя... И вдруг разом веревки ослабли... Делай... что хочешь, ступай, куда знаешь. А куда ступать? Что делать? Уж и привыкла к своей лямке, притерлась, и не уйдешь далеко... Нет, видно, из веревок не выпрячешься. Убежать от судьбы она не сможет. Теперь и толочься-то придется по тому же кругу... Поглядывать, как живут другие.. смотреть в оба глаза и говорить в пол-языка. А все потому, что до поры сберег себя мужик. ...Так что теперь – отступить от него? Плюнуть на него?.. Это совсем надо не иметь сердца... Тут от чужого, будь он трижды нечистый, просто не отмахнешься...» [3,242-243].*

«...Все для Настены перепуталось, все сошло со своих мест и встало с ног на голову... Мало ли как случается у бабы, раз на раз, ясное дело, не приходится. А она уже в панику ударилась» [3,274].

Главная героиня – Настена, чудесная и светлая женщина, сирота, которую привел Андрей в свою деревню. Вот как описывает ее В.Распутин в эти годы жизни, используя значительное количество фразеологических средств русского языка:

«Настену в Атамановку судьба занесла с верхней Ангары. В голодном тридцать третьем году, похоронив ... мать и спасаясь сама ... стала спускаться вниз по реке, где,

по слухам, люди бедствовали меньше.

*...Настена кинулась в замужество, как в воду, - без лишних раздумий: все равно придется **выходить**, без этого мало кто обходится – **чего же тянуть?** ...И уже к зиме Настена **мало-помалу** взялась поправляться... Из недавнего чучела вышла невеста хоть куда.*

*...А получилось так, что из работниц она попала в работницы... И вся **тягость** сразу свалилась на ее плечи. ...Каждый, кому не лень, мог ни за что ни про что ее облаять; ... конечно, живи тут ее родня, которая при случае могла заступиться, **не дать в обиду**, то и отношение к ней было бы другое, но она, **сирота казанская, неизвестно откуда взялась**, принесла с собой приданого одно платьишко на плечах, так что и справ у ей, чтобы **показаться на люди**, пришлось понашить здесь же – вот как **осело на душе** у Семеновны, вот что **в ненастную пору подливало ей масла в огонь**» [3,204-205].*

Любой из односельчан – встретить он Гуськова – проклял бы его, одна только жена Настена считает себя обязанной взять на себя тяжкое бремя и делает шаг через черту, отделяющую Гуськова от людей. Теперь ее жизнь должна идти по-другому, с оглядкой, никто не должен знать о ее встречах с Андреем.

Большая роль здесь опять отведена фразеологическим средствам языка.

*Сравните: «... и **бросая украдкой взгляды на свекра**, пыталась понять, поверил он ей или нет... Теперь придется **втрое быть осмотрительней и рассчитывать каждый свой шаг**. Настена не могла предугадать, что ей готовится, ее **воображения** на это **не хватало**..., пока не **ткнут в нее пальцем** и не спросят, - и тогда уж карабкаться, **надеясь только на собственные силы**. **Достанет ли сил**, она не знала и **не хотела заранее думать об этом**... **Семь бед – один ответ**. И теперь ей тоже **стало не по себе**» [3,322-323].*

Муж Настены – Андрей, во время войны совершил преступление – дезертировал и поставил себя, таким образом, вне общества, вне народа.

Писатель подробно описывает мотивы преступления, умело используя фразеологию.

Нет, Андрей Гуськов не является «физиологическим» трусом. Он и в «разведку ходил», и «языка брал», доводилось выдерживать «танковые атаки», «совершая ночные лыжные рейды». Товарищи уважали его за силу.

Вот как характеризует его В.Распутин в эти годы его жизни с помощью фразеологических средств языка: «Там... и **встретил... ее Андрей Гуськов, чужой, но расторопный и **бравый парень**, сплавляющий на плотах горячее**» [3,204].

«За эти года Гуськов успел повоевать на лыжном батальоне, и в разведоте, и в гаубичной батарее. Ему довелось испытать все: и танковые атаки, и броски на немецкие пулеметы, и ночные лыжные рейды, и изнуряюще долгую, упрямую охоту за языком» [3,215].

Сравните характеристическую роль фразеологии для описания преступления Андрея: *«Андрей Гуськов понимал: судьба его свернула в тупик, выхода из которого нет. Вперед еще есть какой-то путь, совсем, видно, недалекий, пока не упруешься в стену, а повернуть назад уже нельзя... Ничего не выйдет. И то, что обратной дороги для него не существовало, освобождало Андрея от излишних раздумий. Теперь приходилось жить только одним: будь что будет...» [3,212].*

Отсюда нам становится ясно, что причина преступления Гуськова заключается не в трусости, а в нравственной ущербности иного рода: у него начисто отсутствует понятие общественного долга. Критик А.Бочаров писал: «Не в том вина Андрея, что захотелось ему уйти в «самоволку», - повидать семью, а в том, что сбился он с народного пути, захотел минуть общенародную долю». На протяжении всей повести писатель показывает непреложность морального закона, его значимость для человека. Гуськов, переступив закон, все более и более опустошает свою собственную душу. И опять исключительно большую помощь в изображении этого оказывают В.Распутину фразеологические обороты русского языка. Сравните: *«Андрей замечал, что здесь он почему-то дуреет... Там было спокойней, привычней, там он не вылезал из своей шкуры... А что думать, что размышлять, тянуть из себя попусту жилы? Близко локоть, да не укусишь» [3,247].*

В другом месте произведения Настена говорит мужу: *«Ты вообще ничего не знаешь. Живешь, как крот, в потемках и жену свою не разглядишь. – «Как крот», - согласился он...» [3,268].*

Деградируя, Андрей Гуськов начинает воровать у других промысловиков. Сравните: *«Еще совсем недавно он и подумать не смел, что способен позариться на чужое, а теперь вот докатился уже и до этого... работал он чисто и аккуратно, не оставляя за собой следов; едва ли хозяин мог что заподозрить, к тому же на долю хозяина приходится ночной, может быть, самый удачный клев. Хорошо сказано – «работал», такую работу Андрей сам раньше называл пакостью» [3,316].*

В.Распутин, конечно же, не собирался оправдывать своего преступного героя его страданием. Пережитое страдание оправдывает человека, если оно возвышает его. Страдание Гуськова совершенно бесплодно: это крик его раздираемой на части, распадающейся человеческой природы. И в силе его тоски – цена человека, которого

Гуськов постепенно убивает в себе, превращаясь в зверя, все глубже и глубже проваливаясь в небытие.

Да и тоска его, страдания – кратковременны. Уже вскоре он размышляет: *«Ничего не поделаешь: деревне оставаться здесь, ему бродить где-то там. Вместе им не жить, ему не бывать даже в ней похороненному – значит, нечего понапрасну томиться, надрывать душу, исходить бесполезной тоской. Порой, натываясь взглядом на видневшийся из-за Ангары край Атамановки, Гуськов как бы лениво и неряшливо, с какой-то даже издевкой к себе принимался вспоминать: что ему там надо было?.. Что именно – забыл»* [3,297].

А позже Гуськов вообще радуется, что дезертируя, сумел избежать смерти, остался жить:

«От смерти отступил, - повторил он, обрадовавшись удачному слову, и вдруг восхитился: - Такая война! – А я утекнул. Это же уметь надо – черт возьми! И, подняв лицо, глядя куда-то вверх полей, которые миновал, он засмеялся – вызывающе и громко» [3,312].

Но вопросы: как быть, куда податься – все чаще и чаще вставали перед Андреем.

Фразеологизмы по-прежнему помогают В.Распутину описать такое психологическое состояние своего персонажа.

Сравните: *«...очнувшись, продрогший и голодный, недовольно озирался: куда теперь? Этот вопрос стоял перед ним постоянно, чаще всего Гуськов не справлялся с ним и брел куда попало, лишь бы брести... В такие минуты ему словно бы застелило память, он отказывался верить, что был на войне и жил среди людей, а казалось, что всегда так вот один и шатался, не имея ни дела, ни долга, что с самого начала именно такая участь ему и была уготована»* [3,332].

На наших глазах один из персонажей духовно умирает, теряя постепенно человеческий облик, гаснет – сливается с небытием, с фоном жизни; вспыхивает ярким светом душа героя повести – и сгорает.

В произведении В.Распутина «Живи и помни» с помощью фразеологических средств русского языка изображены и другие персонажи. Все они – люди, сформированные крестьянским трудом, укладом деревенской жизни.

Кровной связью с землей, сельской природой, бытом крепко связан и другой герой повести – Михеич, отец Андрея, свекр Настены.

«Он не почуял сына и не воспитывал, да он и не знал, что такое воспитание, с чем его едят; жизнь, считал он, любого обрастает и воспитает... Надо было – одергивал,

нет – **оставлял в покое**» [3,302].

«Сам он, вернувшись с **германской** покалеченным, умудрился больше **ни под чьим ружьем не ходить**. В колхозе с **первого дня**, как вступил, он пошел на **конный**» [3,303].

Вот как характеризует его Распутин: «Добрая душа Михеича. Не он – Настене в эти годы **пришлось бы совсем худо**» [3,226]. «Она надеялась, что **будь у Михеича что на уме**, он не вытерпит и скажет...» [3,324]. «...Михеич **каким-то чудом сумел настоять на своем**» [3,326].

Свекр Настены – единственная опора в труднейшее для нее время. Он один понимает ее состояние, скорее, догадывается о связи с Андреем.

«Ружье Михеич с собой не брал, оно тут, в версте от деревни было **ни к чему**. Но лесная работа все-таки, видать, **растревожила охотничью душу** Михеича: он взялся наготовавливать патроны, почистил ружье... и вдруг спросил: «Тебе, дева, не **попалились на глаза Андреева «тулка»?** Все перерыл – **как сквозь землю провалилась**.

...И все же он **застиг ее врасплох**:

- Чё, ты, дева, **собираешь**: Кто посмотрел? Кто уговорил? **Ниче не пойму**... Ты, Настена, не **шутку** надо мной **шутишь**? Ты правду говоришь?...

- А ты как думаешь: Андрей придет, он нам **спасибо** за твою продажу **скажет**? – наживем... - повторил Михеич и мелко закивал головой, соглашаясь скорей всего не с Настеной, а с какой-то своей **нерадостной мыслью**» [3,318].

Из приведенных примеров видно, что речь Михеича простая, народная, бесхитростная.

Сравните еще: «...ружье – на часы, на игрушку, - **приходя в себя**, проговорил свекр. – **Ну и ну**... Вот тебе, дева, следовало бы за это кой-чего оторвать. Чтоб думала маленько, а не **кидалась, сломя голову, незнамо на что**... Он... в дурачки, поди-ка, с **тобой играл**, а ты поверила... Порадовала ты меня, хватит. Да убери ты их с **глаз моих**, убери. **Христа ради**.

- ...Вроде как **сама не в себе**. **Может**, показалось... Но я **ни в жисть** не подумал бы, что ты без спросу ружье на какие-то часы станешь **менять**» [3,329].

Очень колоритна фигура матери Андрея Гуськова – Семеновны, свекрови Настены. «Мать была из низовских, из-под Братска, где ускают и шипят... Выше и ниже этих деревень говорят нормально, а тут почему-то иначе не могут, словно у них как-то по-своему, по-особому подцеплен язык. Для **постороннего уха** он, конечно, кажется непонятным, диким, к нему надо привыкнуть» [3,353].

И, действительно, речь ее насыщена фразеологизмами, являющимися

фонетическими диалектизмами.

Сравните: *«Гошподи! – стонала Семеновна. – За што мне такое муценье на штарошти лет? Пожалей хоть ты меня, прешвятая богородица. Втолкуй ты этому штарому дураку, что до могилки я и без его коштылей доеду... Ить надо же: дошпел, и пецки меня шнял: иди...»* [3,327].

Свекровь значительно строже Михеича, держит сноху в «ежовых рукавицах».

Сравните: *«Добрая душа Михеич. Не он – Настене в эти годы пришлось бы совсем худо. Семеновна готова **держат** ее на привязи, от работы да от хозяйства **не пускат** ни на шаг»* [3,226].

Доскональное знание деревенского быта, людей села, их нравов, забот, тревог, их уклада, поведения в различных жизненных ситуациях придает повести Распутина «Живи и помни» особую достоверность.

Каждый герой индивидуализирован, их ни за что не спутаешь между собой.

Сравните, как удается писателю обрисовать свои персонажи с помощью устойчивых словесных комплексов.

Образ уполномоченного.

*«Уполномоченный лез с **разговорами**, она неохотно отвечала. Есть такие мужики: **все вроде на месте**, а не мужик, одна затея мужичья. Вот и этот такой – ему только **на облигации баб и подписывать**... но уполномоченный здесь неожиданно осмелел. Сидел, сидел и вдруг схватил Настену сзади за ноги, повалил на себя и захрюкал... Пришлось осадить его как следует. Он захлопал глазами и притих. ...У нее есть мужик, **не этому чета**...»* [3,228].

Образ Иннокентия Ивановича.

*«Иннокентий Иванович, который **всему любит дотошный счет**, на цифрах показал, как извели атамановских мужиков»* [3,249].

*«Перед избой-читальней стоял дом Иннокентия Ивановича, высокий и веселый..., на одной стороне которого жили старики, а вторая... пустовала, но **не теряла жилого вида**... Показался Иннокентий Иванович – помолодевший и нарядный... в темно-синих новых брюках, заправленные в поношенные уже, но добротные ... **яловые сапоги**»* [3,344].

Фигура Максима Воложжина, фронтовика, единственного вернувшегося в родную деревню после войны, встает перед нами благодаря его речи у себя дома, за столом, где собрались односельчане отпраздновать его возвращение.

Сравните: *«Максим, звякнув медалями, поднялся. – Люди!.. Я не мастер говорить... **Что говорить**, когда победили! Не придумали таких слов, чтоб сказать. Выстояли,*

выдюжили и пошли сломали спинной шребет лютому зверю проклятому Гитлеру. Я там был, я знаю, что там творилось. Сердце кипит... Что говорить?!.. баба за тыщи верст сердце его собой да семьей мягчит, чтоб не взялось то сердце камнем. Ни черта бы вы без вас не сделали...

Поднимитесь, люди, взглянем во все глаза на сегодняшний день и на веки вечные запомним его» [3,347].

Образ Надьки, подруги Настены, женщины-мученицы, оставшейся с тремя детьми вдовой, после смерти мужа на фронте:

«Я говорю: он придет – с вызовом обращаясь ко всем, накалялась Надька. – Вот увидите. Не надейтесь, что не придет. Придет и собьет твой счет» [3,349].

Таким образом, можно констатировать, что фразеология, мощным потоком вливаясь в ткань художественного полотна повести В.Распутина, играет исключительно большую роль: с ее помощью автору удастся ярче, самобытнее нарисовать национальные характеры персонажей.

Литература

1. Малиновский Е.А. О широком и узком понимании фразеологии. // Проблемы славянской и зарубежной фразеологии. / Материалы сб. научных статей. – Самарканд, 1997.
2. Малиновский. Е.А. История изучения проблем фразеологии в русском языкознании. – Т., 1991.
3. Распутин Валентин. Повести. - Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985.